

Введение

На первый взгляд может показаться, что перевод имен собственных не представляет особых трудностей. Даже переводом это называется весьма условно: ведь, как правило, имена собственные транскрибируются или транслитерируются. Это обусловлено своеобразием имен собственных, которые порождены не потребностями познания, а соображениями удобства коммуникации, особенностями языка.

В современной лингвистике собственные имена часто определяются как называющие лексические единицы в отличие от нарицательных слов, которые считаются обозначающими единицами. Иначе говоря, у имен собственных на первый план выступает функция номинативная — называть, чтобы отличать однотипные объекты друг от друга, в противоположность именам нарицательным, основная функция которых — называть, чтобы сообщать значение, коннотировать. Кроме того, именованья людей (антропонимы) и географические названия (топонимы) не являются первичными лексическими единицами по своему происхождению, так как они образованы на базе нарицательных слов.

Цель данной работы: рассмотреть основные переводческие проблемы, связанные с анализом сущности и функции имен собственных в тексте и способами их передачи при переводе, а также рассмотреть основные пути словообразовательных поисков и некоторые словообразовательные модели, на базе которых создано множество веселых, грустных, озорных и язвительных имен собственных.

Обычные имена собственные

Характеризуя своеобразие информации, присущей именам собственным, А. В. Суперанская пишет: «Имена собственные указывают адреса, указывают на конкретных людей, но, если мы не учили географии и не знакомы с Петром и Иваном, они ничего нам не говорят. Поэтому, чтобы понять собственное имя, узнать его значение, надо сначала узнать, какого рода объект оно означает. Однако знакомство отнюдь не обязательно должно состояться в прямом смысле слова. Я знаю, что есть французские имена Жак, Пьер, Симон; у меня нет ни одного

знакомого с этими именами, но я вполне удовлетворена ответом, что Пьер — это имя. Таким образом, знакомство может быть не только с объектом и субъектом, но и с языковой категорией, к которой данное имя относится».

Эти характеристики собственного имени и прежде всего его соотнесенность с конкретным объектом, который оно словно бы инвентаризует, маркирует, к которому прикрепляет условный ярлык, определяют в сфере имен собственных транскрипцию в качестве основного переводческого приема. Имя собственное — всегда реалья. В речи оно называется действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственные в своем роде и неповторимые. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта.

Транскрибированные имена собственные наряду с остальными реальями являются теми немногими элементами перевода, которые сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме. Испанское слово, например, даже будучи записанным кириллицей, остается испанским словом и не теряет своего национального колорита. Испанские имена *Nicolás, Andrés* или *Ana* совсем похожие на *Николая, Андрея и Анну*, не становятся обрусевшими под пером переводчика, а передаются как *Николас, Андрес и Ана*.

Внутренняя форма любого имени, а под ней понимается смысловая структура слова, соотношение значений компонентов, составляющих слово, обычно отражает словообразовательный процесс, происходивший в момент первичной номинации, и может быть очевидной (как, например, в топонимах: *город Орел, река Уж, озеро Красавица, Кривоколенный переулоч* или в личных именах и фамилиях: *Вера, Надежда, Любовь, Воронов, Красавина, Косорукое*) или стертой, неясной (*Москва, Волга, Ильмень, Аграфена, Сидоров* и т. д.).

В повседневном общении и в любых контекстах, где имена собственные выполняют свои обычные функции, внутренняя форма этих слов, как правило, не воспринимается. Ею пренебрегают, так как, даже если смысл этой формы вполне ясен, ей не вменяются в речи характеристические, оценочные функции, хотя потенциальная оценочность в таких словах всегда сохраняется. Внутренняя форма остается частью собственной структуры слова, предназначенного для называния конкретных объектов, а не для их определения через понятия и лексическое значение. Именно поэтому с теоретической точки зрения «смысловой перевод «обычных» имен собственных, у которых есть в языке оригинала нарицательные «двойники», чреват значительными информационными искажениями, а с точки

зрения практической он привел бы к величайшей путанице, прежде всего в топонимике.

Если бы названия, например, кубинских населенных пунктов *La Cruz, La Gloria, Rey*, мыса *Pájaros* или гаванской улицы *Virtudes* стало правилом переводить, а не транскрибировать и в русском тексте эти селения назывались бы *Крест, Слава, Король*, мыс именовался бы *Птицы*, а улица стала *улицей Добродетелей*, то исчез бы даже намек на то, что данные топонимы относятся к ареалу испанской речи, и, главное, нарушилась бы та прямая связь между объектом и его названием. При подобном подходе к переводу топонимов в русском издании карты мира на территории десятка различных стран появились бы населенные пункты с названиями *Орел, Лев, Мир, Вознесение, Троица, Согласие, Заря* и т. д., а в планах сотен иностранных городов замелькали бы *улицы Свободы, Братства, площади Победы и Славы, бульвары Независимости и Равенства*.

Транскрипция имен собственных: современные правила и традиция, ономастические варианты

Несмотря на то, что борьбу за регламентацию и унификацию транскрипции иностранных слов и имен собственных еще начали такие выдающиеся лингвисты, как М. В. Сергиевский и Л. В. Щерба, до сих пор случается разноречивой при транскрибировании антропонимов и топонимов, что приводит к ошибкам в понимании их и к возникновению двух и более вариантов одного иностранного имени. Если взять, например, одни лишь русские издания художественной, общественно-политической и географической литературы на испанском языке и сравнить в них топонимику, транслитерированную с языков народов бывшего СССР и восточных языков, то легко обнаружатся ничем не оправданные разночтения. Трояко пишутся *Орел — Orel, Oryol, Oriol; Иртыш — Irtish, Irtix, Irtich; Сикоку — Sikok, Sikoku, Shikoku; Пекин — Pékin, Pequín, Peking; Харбин — Jarbín, Harbfn, Kharbín* и др. По два варианта имеют *Хабаровск — Jabarovsk, Khabarovsk; Пхеньян — Pieng-Jang, Pyong-Jang; Катманду — Katamandú, Jatmandú; Фудзияма — Fhi-Jama, Fuyoama* и т. п.

Топонимические варианты другого рода могут появиться в результате переименований населенных пунктов, улиц и площадей. *Пловдив*, например, на одних испанских картах пишется *Plovdiv*, а на других — *Filipólis*; *Чудское озеро* дается то в транскрипции *Chudskoye*, то как *Peipus*; *Тайвань — Taiwan (Taiuan) и Formosa; Джакарта — Jakarta (Diakarta) и Batavia*. Поэтому переводчику приходится знать исторические перипетии некоторых топонимов и, к примеру, *Джакарту* именовать *Батавией*, если в переводном тексте описываются события до 1949 г.

Возникновение вариантов наименований иногда обуславливается различиями фонетических норм в разных зонах одного и того же языка, распространенного на удаленных друг от друга территориях. Это прежде всего относится к английскому языку, литературная норма которого имеет свои специфические особенности в США, Англии и Австралии, и к испанскому языку — Испании и Латинской Америки, который также характеризуется зональным своеобразием. Например. Испанская буква *ll* произносится как боковой среднеязычный сонант, теоретически не имеющий прямого соответствия в русском языке. Транскрибируется он как «ль». В Аргентине и Уругвае орфоэпической нормой стало произнесение *ll* как звонкого палатального шипящего звука, похожего на нашу фонему [ж]. Поэтому некоторые переводчики, стремясь к точности воспроизведения оригинального фонетического облика имени собственного, транслитерируют в аргентинских и уругвайских топонимах и антропонимах звук *ll* с помощью русского звука [ж]. Так возникают варианты: *Коронилья* и *Коронижа*, *Белья-Уньон* и *Бежа-Уньон*, *Бельяко* и *Бежако* (уругвайские города); *Вильягамба* и *Вижагамба*, *Эльяури* и *Эжаури* (аргентинские и уругвайские фамилии); имя известного уругвайского скульптора *Belloni* пишется то как *Бельони*, то — *Бежони*; фамилия героя борьбы за независимость Уругвая *Lavalleja* транскрибируется двояко: *Лавальеха* и *Лаважеха*.

Следует упомянуть о диахронных омонимических вариантах, которые связаны друг с другом определенной хронологической последовательностью. Такие варианты появляются из-за того, что правила транскрипции — категория историческая, меняющаяся в связи с изменениями фонетического строя языков и успехами его изучения фонетистами и фонологами. В этом отношении весьма показательны транскрипции с английского.

В прошлом веке (иногда в начале нынешнего столетия) английские имена собственные передавались в русской литературе с помощью самой примитивной транслитерации: каждой английской букве в слове подбиралась соответствующая буква русского алфавита. Но, как известно, традиционная графика английских слов часто не отражает их подлинного звучания. Так появились антропонимы *Валлас* (*Wallace*), *Ворчестер* (*Worcester*), топонимы *Ньюкестль* (*Newcastle*), *Гринвич* (*Greenwich*), *Гулль* (*Hull*) и т. п. От орфографического принципа передачи английских имен собственных постепенно осуществлялся переход к фонетическому принципу, позволяющему воспроизвести с той или иной степенью приближенности истинное звучание английского имени и сохранить его национальную фонетическую форму. Нынешняя русская транскрипция этих имен приближена к их подлинному звучанию: *Уоллес*, *Вустер*, *Ньюкасл*, *Гринич*, *Холл*.

«Что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать». Во времена Ломоносова имя английского ученого звучало в устах русского человека, как *Невтон (Newton)*, а теперь это *Ньютон*. Яркий пример, иллюстрирующий изменение написания имени собственного под влиянием фонетической тенденции приводит Н. Аристов: фамилии английского политического деятеля XVIII в. *R. Walpole* писалась *Вальпопъ*, затем — *Валыгол* и *Уолпол*.

Правда, укоренившиеся ошибочные транскрипции имен собственных чаще бывают не столь уступчивыми. Они надолго, если не сказать навсегда, оставляют о себе память в переводных топонимах и личных именах, закрепленных традицией в языке перевода. В русской испанистике приблизительно до начала XX в. бытовало ложное мнение о том, что одной букве в испанском языке соответствует одна буква в русском языке. Поэтому в испанских именах собственных с *h* транскрибировались все буквы, хотя *h* к XIX в., когда начался прямой перевод с испанского на русский кастильской художественной литературы, давно уже стало немым и писалось лишь по традиции. Так появились топонимы *Гондурас*, *Гавана* и другие вместо правильных форм *Ондурас*, *Ла Авана*. Имена эти закрепились в языке и стали языковой нормой, узусом.

Противоречие между традицией и современным написанием проявилось у английского антропонима *Huxley*. Традиция оставила фамилию знаменитого естествоиспытателя XIX в. *Thomas Huxley* как *Гаксли*, а современный английский писатель *Aldous Huxley* известен у нас как *Хаксли*, что фонетически более соответствует английскому произнесению этого антропонима.

Когда дело касается русского написания имен английских, французских и испанских королей, традиция опять дает знать о себе. *Яков*, *Карл*, *Генрих*, *Георг*, *Иоан*, *Мария*, *Елизавета* — это английские короли, а других именитых особ и, конечно, всех простых смертных в переводах зовут соответственно *Джеймс*, *Чарльз*, *Генри*, *Джордж*, *Джон*, *Мери*, *Элизабет*, хотя в английском языке каждой паре соответствует только одно имя.

Выше говорилось, что смысловой перевод некоторых географических названий, т. е. раскрытие их внутренней формы, противоречит существующим ныне тенденциям и нормам перевода топонимики. Однако в переводческой практике прошлых веков можно найти немало примеров смыслового перевода географических названий, некоторые из них прочно закрепились в языке. Например: *Place de la Concorde*, *Champ de Mars*, *Avenue des Champs Elysées*

переводятся на русский язык по традиции как *площадь Согласия*, *Марсово поле* и *Елисейские поля*. Открытый в 1486 г. португальцем Бартоломе Диасом мыс на самом юге западного берега Африки был назван первооткрывателем *Cabo das Tormentas* (*мыс Бурь*). Однако король Хуан II изменил название на *Cabo de Boa Esperanza* (*мыс Доброй Надежды*), которое было переведено, а не транслитерировано, почти на все языки мира. Название открытого Магелланом в 1520 г. архипелага *Tierra del Fuego* (*Огненная земля*) также было скалькировано на многие языки.

Некоторые названия географических объектов языка оригинала имеют супплетивные соответствия в языке перевода, закрепленные традицией. Такие соотносимые в двух языках топонимы несхожи между собой ни по своей внутренней форме, ни по внешнему облику. Ср. нем. *Deutschland* и, с другой стороны, рус. *Германия*, исп. *Alemania*, фр. *Allemagne*, англ. *Germany*, фин. *Saksa*, англ. *Wales* и фр. *Pais-de-Gaul*.

Ономастические перифразы

Определенное внимание требуется при переводе ономастических реалий, которые подразумевают нечто большее, чем географическое название, и стали символами каких-либо учреждений государственных институтов, общественных организаций и т. п.: *Quai d'Orsay* — не только парижская набережная, но и Министерство иностранных дел Франции, которое находится на этой набережной во дворце, носящем то же имя; *Throg-morton Street* — это лондонская улица, где расположена Биржа, и второе — название самой биржи; *Reel Street* — лондонская улица, на которой размещаются редакции крупнейших журналов и газет, и собирательное имя, означающее прессу Англии.

Особенно внимательным приходится быть переводчику, когда в произведениях прошлых веков он встречается с ныне устаревшей ономастической перифразой. *Rué des mauvais garçons* — улица в Париже и когда-то воровской притон, ибо на ней жили воры, грабители и хулиганы и ходить по ней было небезопасно.

За многими выдающимися представителями литературы и искусства закрепились перифрастические имена: *Le vieillard de Ferney* — это *Вольтер*, *Hornero Español* — *Луис Гонгора*, *Manco de Lepante* — так зовут *Сервантеса*, *Profesor de Salamanca* — *Унамуно*, *Plasant Bard* — это *Роберт Бернс*, *The Bard of Avon* — *Шекспир*. Контекст подскажет, следует ли перевести *The Bard of Avon* сочетанием *Эвонский бард* или просто *Шекспир*, а *Le vieillard de Ferney* — *Фернейским старцем* или *Вольтером*.

Признавая существующее в современной ономастике деление обычных имен собственных на общие («невоплощенные») имена и индивидуальные («воплощенные»), следует подчеркнуть, что перифразы, подобные приведенным выше, могут появляться только как эквиваленты воплощенных имен собственных. Ведь общие имена в сфере антропонимики служат для называния индивидов и представляют собой собрание фишек, которыми маркируют простых смертных, например: *Иван, Петр, Мария, Лена* и т. п.

Воплощенные имена соотносятся с конкретными историческими личностями, за ними закрепляются определенные понятия и представления о тех, кого они именуют например: *Аристотель, Наполеон, Лев Толстой*. Конкретная личность может быть названа, охарактеризована с помощью различных перифраз и метафор, некоторые из которых, укоренившись в речи, способны стать устойчивыми перифрастическими эквивалентами индивидуального имени собственного. К воплощенным именам следует отнести и топонимы, ибо они называют, как правило, единственные, конкретные объекты.

Краткие имена, имена с суффиксами субъективной оценки

В европейских языках личные имена могут иметь полную и краткую (сокращенную) форму (не считая форм с суффиксами субъективной оценки), которые иногда совершенно различны по звучанию. Например, русские имена: *Александр (а) — Шура, Анна — Нюра, Ольга — Беля*; испанские: *Франсиско — Пако, Гумерсиндо — Синдо, Рамон — Мончо, Консепьон — Конча, Мерседес — Мерче*; английские: *Роберт — Боб, Эдвард — Нед, Ричард — Дик, Вильям — Билл*.

Что касается имен с суффиксами субъективной оценки, то их значение передается обычно двумя способами. Во-первых, такое имя можно транскрибировать, когда есть уверенность в том, что на фоне полного имени и контекста читателю станет понятной ласкательная или уничижительная окраска новой формы имени собственного. Вот пример из новеллы Лопе де Беги «Гусман Смелый», в которой рассказывается о доне Феликсе и его паже Мендосе, попавших в плен к маврам и обращенных в рабство. Читатель, уже хорошо знающий имя пажа, встречается в тексте новую форму этого имени: «Ее звали Сусанна, но только именем своим, а не скромностью она походила на библейскую Сусанну, ибо она сразу же остановила свой взор на... — я уже слышу, как ваша милость хочет сказать: на доне Феликсе; но вот вы и ошиблись, потому что Мендосик был красивее...». Контекст перевода и, возможно, похожесть на русские уменьшительные имена с суффиксом -ик (Владик, Виталик и т. п.) способствуют восприятию ласкательного оттенка в изменившейся

форме имени. Ласкательное *Marita* от *Марта* часто транслитерируется в переводе романа Мануэля Герреро «Ускользящая земля». Значение этой формы легко осмысливается контекстом. Также перевод имен сказочных героев Джанни Родари: *Чиполлино*, *Чиполлетто*, *Чиполлотто*, *Чиполлучча* и др. В оригинале все эти имена образованы с помощью суффиксов субъективной оценки от нарицательного слова *cipollo* (лук).

Есть еще один способ воссоздания уменьшительно-пренебрежительных личных имен. Он заключается в определении исходной (нейтральной) формы транскрибированного имени прилагательным, экспрессивно-оценочный смысл которого в какой-то степени эквивалентен значению соответствующего суффикса переводимого имени. В такой роли чаще других выступают прилагательные *маленький*, *милый*, *бедный*, *смешной*, *противный*, *дурной* и т. п.

Субъективно-эмоциональная оценка личного имени прилагательными отвечает прежде всего духу некоторых аналитических европейских языков, так как «образование различных форм имен с суффиксами субъективной оценки свойственно не всем языкам и не в одинаковой степени, а одинаковые или сходные оттенки значения могут передаваться различными способами. Например, во французском языке широко практикуется аналитический способ образования уменьшительных — с помощью прилагательного *petit* (e): *petit Pierre*, *petite Catherine*, *petit Jeannette*. В английском языке прилагательное *little* также выступает в идентичной функции.

Однако оба этих способа часто оказываются в русской переводческой практике неприемлемыми из-за трудностей восприятия новой формы иностранного имени с чужеродным суффиксом субъективной оценки, несоответствия значения прилагательного значению суффикса и т. п. В таких случаях переводчики предпочитают оставлять неизменной форму имени собственного и компенсируют утраченный субъективно-оценочный «привесок» в интонационном строе фразы или в смыслах оттенками составляющих ее слов.

Смысловые имена собственные

Творчество в передаче имен собственных начинается в тот момент когда переводчик сталкивается с так называемыми смысловыми («говорящими») именами и прозвищами. Тогда же возникает и переводческая проблема, связанная с анализом сущности и функции значимых имен в тексте и способом их передачи при переводе.

Существуют две самостоятельные, однако достаточно связанные между собою группы собственных имен: имена, сложившиеся естественным путем, и имена, искусственно созданные, выдуманные. Вторые в свою очередь делятся на употребляющиеся в реальной действительности, наряду с естественными, сложившимися именами (придуманные новые личные имена, искусственные фамилии, переименования географических объектов) и на имена книжные (имена и фамилии героев литературных произведений, названия мест действия).

В художественной литературе используются все виды имен собственных: обычные «естественные» имена, которые перенесены автором в литературные произведения (Наташа Ростова, Татьяна Ларина, Павел Власов, Григорий Мелехов, названия реальных городов, селений, рек и т. д.), и книжные имена, изучение которых только начинается в так называемой поэтической ономастике. Книжные имена можно было бы подразделить на две неравнозначные группы в зависимости от их функциональных особенностей, отражающихся на их внешней и внутренней формах. В первую войдут имена собственные, «скроенные» авторами по существующим моделям и порой с трудом отличимые от «всамделишных» фамилий и названий (Рахметов, Инсаров, Грацианский, Бададошкин и др.). В этой группе собственные имена сохраняют свою основную функцию, определяющую их языковую сущность и своеобразие: они называют предмет мысли, соотносятся с конкретным персонажем или объектом, локализуя его во времени и пространстве. Вторую группу составят те книжные имена, которые совмещают в себе характеристики собственного и нарицательного имен.

Они выполняют в речи функцию как называющего знака, так и означающего, ибо они не только указывают на объект мысли, но и характеризуют его обычно с иронической или сатирической точки зрения. Ядром группы являются прозвища и значимые имена собственные — речевые (оказиональные) антропонимы и топонимы. Смысловое имя — это своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды.

Поиски литератора, создающего имя собственное, определяются творческим замыслом, который основан на критериях художественной целесообразности и стилистической функции искомого имени. Оба этих критерия далеко не равнозначны. Фамилии таких героев, как *Онегин*, *Ленский*, *Арбенин* и др., по авторскому разумению, художественно целесообразны: их выбор был обусловлен замыслом и пристрастиями авторов, авторскими ассоциациями и литературно-историческими причинами. Имя *Татьяны Лариной* тоже в известной степени не

случайно. После экзотических имен героев и героинь в произведениях романтиков, после «изящных» имен у сентименталистов поэту реалистической школы хотелось противопоставить этим ономастическим красотам самое простое обычное русское имя. Однако степень и сам характер оценочности в фамилиях *Ларина*, *Онегин*, *Ленский*, *Печорин*, внутренняя форма которых не намекает читателю на какие-либо черты характера или внешности героев, вряд ли могут сравниться с экспрессивно-оценочной стилистической функцией таких имен, как *Молчалин*, *Скалозуб*, *Собакевич* или *унтер Пришибеев*. В этих фамилиях отчетливо выражена оценочная функция: называя, они характеризуют своих обладателей.

В литературе различных народов — прежде всего в сатирических и юмористических произведениях — давно замечена общая закономерность в употреблении личных имен и названий, которая выражается в стремлении наделить имена собственные характеристическими и оценочными качествами различной силы и степени. В изобразительном отношении собственно фамилии и имена, обладающие лишь номинативной значимостью, оказываются куда менее выразительными, чем прозвища и значимые имена.

Эту, идущую от времен Фонвизина, традицию успешно продолжали и развивали Некрасов, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Чехов, Маяковский, Ильф и Петров и другие отечественные литераторы. Особую социальную силу приобрели имена щедринских персонажей, отразившие общественную суть, мораль, нравы и привычки столпов помещичье-чиновничьей России и их верноподданных прислужников.

Выдающиеся образцы речетворчества русских классиков, создавших тысячи художественно выразительных смысловых имен собственных, без сомнения, стимулировали современную отечественную практику перевода смысловых имен и подтверждали необходимость переводить, а не транслитерировать эти имена. Коль скоро значимые имена собственные выполняют не столько номинативно-назывательную функцию, сколько характеристически-оценочную, то и подход к передаче на языке перевода содержащейся в них информации должен отличаться от принципов воссоздания обычных имен собственных. Заключение в значимых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть «проявлена». Значимое имя требуется от читателя как оригинала, так и перевода понимания смысла внутренней формы и восприятия ее образности. Будучи транскрибированным, оно само по себе не может оказать эмоционального воздействия на рецептора в то время, как в оригинале оно рассчитано на такое воздействие. Поэтому переводчик стремится к сохранению в переводе его

эмоциональной силы.

Решение переводческой задачи облегчается еще и тем, что в разных языках основы имен собственных могут обладать рядом общих черт независимо от языка, в котором они употребляются, в соответствии с универсалиями, свойственными человеческому мышлению и восприятию. Эта общность объясняется социально-психологическими причинами, единством законов человеческого мышления, а по отношению к фамилиям — сходными источниками происхождения, которые ведут к прозвищам.

Прозвища всегда называют какое-либо свойство или качество человека. Поэтому во многих фамилиях внутренняя форма не забылась, и вместе с ней потенциально сохранилась экспрессивная окраска антропонима. В обычной речи она не воспринимается, но в определенных контекстуальных условиях может быть раскрыта. Поэтому даже обычные фамилии в специально организованном контексте выполняют функции смысловых имен.

Тематические основы личных имен и прозвищ во многих европейских языках группируются по следующим семантическим признакам:

1. Обстоятельства рождения и семейные отношения: *Подкидыш, Найден, Любим, Поздей, Меньших, Внук, Дед, Горе.*
2. Внешний вид: *Лысак, Кругляк, Худыш, Беззуб, Брюхан, Бородай.*
3. Особенности и черты характера: *Моргун, Крикун, Баламут, Бирюк, Мигай, Погуляй, Мерзляк, Говоруха, Богомол, Олух, Болван.*
4. Социально-экономическое положение: *Селянин, Холоп, Сирота, Бобыль, Попович, Бесportoшник.*
5. Занятие и профессия: *Кукольник, Кабатчик, Корабельщик, Мельник, Дегтярь, Гончар, Кожевник, Коновал, Бондарь, Богомаз.*
6. Происхождение: *Ненаш, Русак, Казанец, Инозем, Грек, Озеран, Кривич, Немец.*
7. Фауна и флора: *Волк, Лиса, Карась, Ворона, Медведь, Беркут, Блоха, Жук, Василек, Дуб, Арбуз, Огурец.*
8. Вещи и предметы: *Базар, Атлас, Алмаз, Столб, Серп, Блин.*

Конечно, это неполная семантическая группировка возможных ономастических основ. Однако она показывает, сколь широк выбор смысловых основ для словопроизводства значимых имен собственных.

По своему морфемному строению русское имя собственное состоит из основы (у фамилий она обычно восходит к прозвищу или другому имени собственному, а у топонимов связана без всяких посредников с нарицательными словами, отражающими особенности объектов) или основы и ономастических формантов. В сочетаниях *слесарь Зуб*, *токарь Дегтярь*, *станция Тайга*, *поселок Ворон*, *город Орел* употреблены имена с одной основой без формантов. Не менее двух словообразовательных компонентов у имен собственных в сочетаниях *слесарь Зубов*, *инженер Зубок*, *токарь Дегтярев*, *переулок Дегтярный*, *деревня Орлова*, *остров Вороний* и т. п.

Производя значимое имя собственное, переводчик использует одну из двух словообразовательных моделей: 1) чистая основа или 2) основа + ономастический формант = имя собственное.

В качестве основы может служить практически любое нарицательное слово. Иногда его звучание и соответственно орфографию несколько видоизменяют, склоняя имя на иностранный лад. Однако в любом случае, семантическое значение основы должно быть ясным и понятным, ибо в нем заключено ядро эмоционально-оценочной информации имени. Ономастический формант может состоять из специальных русских фамильных суффиксов и окончаний или заимствованных иностранных формантов. Если к основе присоединяется русский формант, то он выбирается среди маргинальных элементов неканонических или сравнительно редких имен. Такие окончания, как *-ов*, *-ев*, *-ова*, *-ева* и некоторые другие распространенные форманты не применяются, ибо они слишком русифицируют изобретенное имя.

В русской ономастике много сложных имен собственных; образованных из двух и более основ. Переводчики используют разнообразные модели сложных имен, так как дву- или многоосновность значимого имени расширяет его смысловое содержание и увеличивает экспрессивный диапазон внутренней формы. Обычные модели сложных имен («прилагательное + существительное»: *Кособок*, *Златоцвет*; «глагольная форма + существительное»: *Варивода*, *Нагнибеда*; «наречие + существительное»: *Вездеход*; «существительное + глагольная форма»: *Челомбей*, *Рукусуй* и др.) дополняются и варьируются переводчиками. Сложную основу образуют из относительно самостоятельных слов в полной или сокращенной

формах, из переменных словосочетаний и фразеологизмов.

Примером виртуозной исполнительской техники являются переводы Н. М. Любимова. Россыпи номинативно-оценочных имен, хранящиеся в бессмертном романе Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», засверкали под пером переводчика всеми оттенками своей неповторимой палитры.

Смысловые имена собственные воссоздавались Н. Любимовым по самым различным моделям и образцам:

1. Конверсионные смысловые антропонимы. Входящие в эту группу личные имена не имеют никаких ономастических формантов. Это обычные слова, превращенные в имена собственные.

а) Подобной конверсии, приводящей к образованию смысловых антропонимов, подвергаются чаще всего существительные: простые — *Буян, Фанфарон, Гимнаст, Грабежи, Удар, Филе, Гарнир, Винегрет, Оборот, Антрекот, Редис, Угри, Дуралей, Рагу, Пирожок, Телок, Балагур, Паштет, Барбарис, Фрикасе, Репей, Укроп, Баловник, Помело* и мн. др.; сложные — *Губошлеп, Молокосос, Дармояд, Живолот, Ветрогон, Мукосей, Мясоруб, Тяжеловес, Саловар, Ротозей* и др.

Переводчик заботится не только о функционально-смысловой эквивалентности значимых имен соответствующим именам оригинала, но и о некоторой условной фонетической схожести придуманных имен с ономастикой языка оригинала. В переводах не встречаются смысловые имена с исконно русскими формантами. *Господин Паштетов* — это уже нечто русское. Воссоздавая смысловые имена французских персонажей, Н. Любимов во всех случаях подбирает слова с ударением на последнем слоге, которое, как известно, является единственным во французском языке.

б) Глаголы повелительного наклонения во 2-м лице единственного числа также успешно освоились с ролью смысловых личных имен французских героев: *Растолки, Оближи, Обсоси, Прокопти, Жри, Обожри, Обглодай, Подливай, Доедай, Уминай* и мн. др. Используется даже отрицательная форма повелительного наклонения: *Недрожи, Недожри*. Не случайно выбор пал на 2-е лицо единственного числа: во-первых, в повелительном наклонении у этих форм ударение падает на последний слог, а слова, оканчивающиеся на мягкую согласную и ударное «и», порождают ассоциации, правда, относительно слабые с французскими именами типа *Анри, Луи, Мари*; во-вторых, подобные окказиональные слова не противоречат нормам русской ономастики, на окраинах которой встречаются фамилии *Мигай, Захвораи*,

Погуляй, Загоняй, Крути.

в) В качестве значимых имен Н. Любимов использует и другие части речи: краткие прилагательные — *Труслив, Космат, Смазлив, Неуклюж, Сонлив*; наречия — *Неспеша*; междометия — *Фи-фи, Пук*.

2. Смоделированные смысловые антропонимы. В эту группу входят смысловые личные имена, образованные путем видоизменения русских слов с помощью различных формантов или каким-либо другим способом, а также имена, составленные на основе словосочетаний и фразеологизмов.

Звуковое восприятие иностранной речи создает в сознании иноязычных слушателей своеобразный фонетический стереотип того или иного иностранного языка. Французская речь представляется многим русским составленной из большого числа носовых гласных и палатализованных согласных и потому мягкой по звучанию, а, например, английская речь с характерными заднеязычными звуками и своеобразным придыханием кажется нам гортанной и нечеткой по артикуляции. Конечно, такие стереотипы весьма условны и основываются на поверхностном представлении о звуковом составе того или иного языка.

В каждом языке существуют определенные традиции в передаче иностранного акцента в речи персонажей художественных произведений. Так, в русской литературе немецкий акцент нередко изображается употреблением «и» вместо «ы», мягкого «ль» вместо твердого «л», то есть показывается замещение немецкими фонемами русских фонем, отсутствующих в немецком языке. Таким образом, переводчик, воссоздавая смысловое имя, руководствуется и упомянутым стереотипным представлением о звуковом облике языка оригинала.

а) Одноосновные имена. Один из приемов, которым пользуется, в частности, Н. Любимов, моделируя раблезианские значимые имена, сводится к «подгонке» звучания русского слова под фонетический стереотип французской речи. Это достигается смягчением в слове какого-либо согласного, обычно конечного или смягчением конечного согласного и добавлением ударного «е» (на письме в слове появляется «ь» знак или «ье»). Если слово кончается на гласную, то последний звук (буква) сокращается. Изобретенные имена оказываются очень «французистыми» по звучанию и похожими на такие имена, как *Шарль, Лаваль, Сганарель, Ришелье, Обинье* и т. п.

Подобное офранцуживание не изменяет у воссоздаваемого имени смысла внутренней формы, который остается ясным и соответствующим по функции, а

часто и по семантике, значимому имени оригинала. Вот примеры подобного словотворчества: *Крокодиль, Простофиль, Свинье, Салатье, Шафранье, Балбьес*.

Другой прием — это стилизация с помощью апокопы, т. е. сокращение в слове одного или нескольких конечных звуков. Прослеживается определенная закономерность в характере деформации слов. Выбираются слова с ударением на предпоследнем слоге, конечная гласная сокращается, и ударный слог оказывается последним, совсем как во французских словах. Так получились имена *Обжор, Паскуд, Растороп, Приправ, Свинин, Котлет, Макарон, Шаровар*. По два звука сокращено в именах *Сосис, Телуш, Трусис*.

Совмещение двух приемов наблюдается в именах типа *Приживаль* и *Тушонэ*, в которых после образования апокопы смягчается последний звук или добавляется какой-нибудь конечный формант, чем-либо напоминающий окончания французских слов.

б) Многоосновные имена. Очень продуктивным оказывается образование смысловых имен на базе словосочетаний и фразеологизмов. В переводах с французского часто встречаются имена, созданные из глагольной и именной основ по окказиональной модели, воспроизводящей модель свободного предикативного словосочетания типа «глагол в утвердительной форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения + существительное в винительном падеже, например: *Пейвино, Лижизад, Суплакай, Салорез, Свинейжри* и др.

В русском языке особое место среди сложных существительных занимают слова с так называемыми связными опорными компонентами (глагольными морфемами) типа *-роб, -руб, -ар, -вод, -кол, -коп* и другие в названиях профессий: *хлебороб, лесоруб, мыловар, пчеловод, дровокол, землекоп* и т. п. Копируя словообразовательные модели этих лексических единиц, Н. Любимов придумывает имена *Котлолиз, Мордобит, Колбасорез, Зубощелк, Сосисокромс* и др.

Не менее выразительны смысловые имена, составленные из трех и более слоеных фраз и сочетаний. В качестве моделей могут служить самые разнообразные типы словесных комбинаций. Поистине неисчерпаемые возможности таятся в многокомпонентном окказиональном словопроизводстве смысловых имен: *Дуйвкишку, Кбабескок, Сбабойсмог, Всажерож* и т. п. («Гаргантюа и Пантагрюэль») или составленные из фразеологизмов имена *Прудпруды* и *Жуйвуснедуй* (там же).

В модели многоосновных имен могут включаться также различные ономастические форманты. Например, в «Дон Кихоте» есть окказиональный топоним

Учертанарогера, в котором суффикс -ера испанского происхождения: русский формант -ия встречается в имени раблезинской монашки *Толстопопия*.

Большое значение для раскрытия и сохранения категориальности смысловых имен перевода имеют нарицательные слова, которые употребляются при этих именах.

Речь идет об официальных формах общения, о словах, указывающих на титул, звание, профессию, занятие, родство и т. п. Это «слова-поручители», которые словно утверждают, что изобретенный окказионализм есть не что иное, как имя собственное. Они становятся частью тех формальных и контекстуальных указателей, которые даже обычное слово или обыкновенное словосочетание превращают в смысловое имя собственное, в окказиональную речевую единицу, выполняющую необычное для этого слова или словосочетания функции. На фоне слова-сопроводителя смысловое имя становится более естественным и выразительным.

Кроме того, в сочетаниях смыслового имени со словами-сопроводителями обычно кроются дополнительные возможности для усиления комического эффекта благодаря контрасту между официальным обращением, титулом, званием и иронически насмешливым или сатирически злым смысловым именем. Употребление смысловых имен с различными пояснительными словами можно проиллюстрировать следующими примерами: *герцог Грабежи, граф Буян, сеньёры Лижизад и Пейвино, сеньёр Плюгав, мэтр Грязнуйль, господин Appetit, обер-шталмейстер Фанфарон, военачальник Молокосос, святой Дыркитру, отец Скоблисий, сестра Толстопопия, брат Этьен Пошеям, мессир Удар, король Пук, монах по имени Обжор, апостол Препобаии, угодница Милашка и др. («Гаргантюа и Пантагрюэль»); донья Ветрогона, графиня Волчуна, дуэнья Горевана, девица по имени Непоседа, император Алифанфарон, великан Злосмрад и др. («Дон Кихот»).*

В переводах с французского и испанского языков между официальным титулом или званием и фамилией или между именем и фамилией иногда интеркалируется на манер оригинала транскрибированный предлог *de*. Так как сочетание *de* с собственными именами представляется современнику несколько архаизованной официальной формулой, то противоречие между внешней формой подобного словосочетания и внутренней формой его знаменательных компонентов значительно усиливает комизм такого смыслового имени: *герцог де Шваль, сеньёр де Скупердяй, герцог де Приживаль, герцог де Лизоблюд, принц де Парша и виконт де Вши* (в переводе романа Рабле); *Хенесильо де Ограбилю, доктор Педро Нестерпимо де Наука* (в переводе «Дон Кихота»).

Отказываясь от транскрипции смыслового имени, переводчик ставит перед собой функционально-стилистическую задачу. Оценочно-характеристичное содержание внутренней формы оригинального имени должно соответствовать смыслу внутренней формы имени в переводе. Не так уж редко удается достичь полной или частичной эквивалентности смыслов сравниваемых форм.

Несколько примеров, взятых из перевода «Гаргантюа и Пантагрюэля», подтверждают это положение: *Claquedents* — *Зубощелк*, *Cochonnier* — *Свинье*, *Gourneau* — *Дуралей*, *Maître Hordoux* — *Мэтр Грязнуэль*, *Sainte Nitouche* — *Святая Недотрога*, *Saint Pansait* — *Святой Пузан*, *Mâchemerde* — *Дерможуй*, *Tailleboudin* — *Сосисокромс*, *Baisecul* — *Лижизад*.

Когда по разным причинам приходится отклоняться от столь близких соответствий, переводчик подыскивает такое содержание для внутренней формы имени, которое бы адекватно характеризовало сходные с выраженным оригинальным именем черты персонажа и верно отражало авторское отношение к нему. Тогда, несмотря на различие метафорических образов, заключенных в основах значимых имен оригинала и перевода, оценочно-характеристическое содержание этих имен будет адекватным, а их художественно-стилистическая функция равнозначной. *Seigneur de Painensac* (досл. *хлеб-в-мешок*) обрел вполне равноценное соответствие своему имени, когда Н. Любимов стал его величать *сеньёром де Скупердяй*.

Бывают случаи, когда переводчик больше заботится о сохранении общей функционально-стилистической характеристики литературных смысловых имен, чем о смысловом соответствии каждой пары в отдельности.

Опыт великого сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других писателей подтверждает правомерность такого подхода к работе над значимыми именами. Салтыков-Щедрин, выделив самые существенные, как бы инвариантные качества представителей основных социальных слоев, подбирает фамилии своих персонажей, опираясь на эти абстрактно-обобщенные характеристики. Для писателя русское купечество, например, олицетворяло собой безжалостное и беспредельное стяжательство и духовную нищету. Поэтому в купеческих фамилиях отражались те черты характера, внешности и поведения российских негоциантов, которые прямо или косвенно свидетельствовали о их накопительской морали и низменных страстях. *Душегубцев*, *Прижимайлов*, *Кабальников*, *Дерунов*, *Разуваев*, *Поганкин*, *Колупаев*, *Ротозеев*, *Голопузое*, *Финансистов*, *Крутобедрое* и т. п. — все это щедринские купцы.

Характерной особенностью тогдашних помещиков было их социально-экономическое вырождение: обнищание, праздность и общественная ненужность. Какой бы конкретный смысловой признак ни был заложен в основу фамилий щедринских помещиков, он всегда связан с идеей помещичьей деградации: *Прогорелое, Перегоренский, Затрапезный, Пустотелое, Паскудников, князь Рукосуй Пошехонский*.

Военно-жандармский аппарат представлялся грубой и темной силой, тому свидетельство — сами фамилии военных и полицейских чинов: *Рылобейщиков, Крокодилов, Зуботычин, Зубатое, Пересвет-Жаба, Горячкин* и т. п.

Продажность и моральное убожество реакционных газетчиков отражено в таких именах, как *Лизоблюд, Помойкин, Ящерицын, Подхалимов, Крошечкин* и др.

Итак, смысловые имена собственные переводятся. Но если бы даже это считалось правилом, из него были бы важные и существенные исключения. Ведь и Дон Кихот, и Санчо Панса, и Грангузье, и Гаргамелла — тоже значимые антропонимы: *Quijote* - это, во-первых, «часть рыцарских лат, защищающая бедра», во-вторых, «круп лошади», наконец, «попона»; *Panza* — «брюхо, пузо»; *Grandgousier* — «большая глотка», а *Gargamelle* — «глотка». Однако эти имена транскрибированы, а не переведены. Правила вовсе не указывают какого бы то ни было шаблона и бездумного подхода к воссозданию смысловых имен.

Опираясь на свои знания, интуицию и опыт, переводчик обязан определить художественную значимость названного «говорящим» именем персонажа, оценить его литературную роль и функцию, жанровые и стилевые особенности произведения, традиции литератур оригинала и перевода, эпоху создания подлинника и т. п., а иногда даже место этого персонажа в истории национальной литературы.

Чем выше степень художественной выразительности и типизации персонажа, чем важнее его роль в отечественной литературе, чем больше степень нарицательности имени, тем проблематичнее перевод и целесообразнее транскрипция данного имени. Этот тезис не противоречит предыдущим рассуждениям, хотя в нем есть некоторая доля парадоксальности. В любом смысловом имени собственном есть сходства с нарицательным именем, потому что смысловой антропоним или топоним не только обозначает объект, но и характеризует, «оценивает» его. Однако нарицательные потенции такого имени чаще всего не реализуются до конца, не вызывают качественного перехода от

одного вида существительных к другому. Даже при высокой степени характеристичности собственное имя редко переходит в разряд нарицательных имен. Для такого перехода персонаж, отдающий свое имя в фонд нарицательных существительных, должен достигнуть значительного уровня социальной типичности, обладать особой «плотностью» художественного обобщения и необычной силой эмоционального воздействия на читателей. «Комплекс нарицательности» оказался, например, у долговязого рыцаря из Ла-Манчи. Теперь почти во всех языках мира фантазеров, вызывающих насмешки, казалось бы, бесплодной борьбой за свои идеалы, зовут донкихотами.

Если смысловое имя собственное необходимо автору лишь для характеристики социальной среды, если им высмеиваются какие-то индивидуальные черты второстепенного героя или назван персонаж юмористического или сатирического рассказа, то обычно оно переводится. Когда речь идет об одном из основных персонажей романа, переводчику приходится серьезно раздумывать над дилеммой: переводить или транскрибировать? Причем размышлять придется не только о его имени, но и о судьбах имен других персонажей, оказавшихся в нерасторжимой художественной взаимосвязи с главным героем.

Эмоционально-оценочные функции пародийных имен Дон Кихота и Санчо Панса уже в век создания бессмертного романа оказались крайне незначительными по сравнению с глубоко национальной и общечеловеческой сущностью самих героев. В Испании эти имена очень скоро стали нарицательными. И даже в далекой России чуть ли не сразу после выхода в свет первого перевода «Дон Кихота», сделанного с французского языка в 1769 г. неизвестным литератором, появился в речи неологизм «донкишотствовать», который сам Державин не погнушался употребить в «Оде к Фелице» (1782): «Храня обычаи, обряды, не донкишотствуешь собой». Даже имя донкихотовского *Росинанта* стало нарицательным. Николай Осипов, автор перевода «Дон Кихота» 1791 г., назвал этого конягу *Рыжаком*, но в последующих русских переводах коню вернули его исконное имя. Иная судьба у значимого имени эпизодического персонажа из второй части романа — мнимой дуэньи, от лица которой в доме герцога потешаются над доверчивым Дон Кихотом и его слугой. В осиповском переводе ее величали герцогиней *Горемыкиной*, затем имя стало транскрибироваться и в переводе под редакцией Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова (1949) мы встречаемся с дуэньей *Долоридой*. Н. Любимов, взвесив все «за» и «против», решил осмыслить это значимое имя, и дуэнья стала *Гореваной*.

Бывает так, что значимое имя приходит в художественное произведение из национального фольклора или из другого литературного или языкового источника.

Имена *Grandgousier*, *Gargamelle* существовали в фольклорной традиции и до Рабле. Появление в художественном произведении заимствованного смыслового имени сводит почти до минимума целесообразность его перевода.

Если в отечественной литературе какое-либо иноязычное произведение переводилось не однажды, то необходимо также принимать во внимание существующую традицию в передаче смысловых имен персонажей данного произведения. О рациональном подходе к прочно укоренившимся традициям говорил Н. Любимов, когда писал, что «переводить такие имена, как Дон Кихот, Панса, Гаргантюа, Пантагрюэль, хотя все они значат что-то, нельзя — мы с ними свыклись, мы с ними сжились».

Перевод смысловых имен остается творческой задачей не только при воссоздании внутренней формы имени в новой языковой оболочке, но и при выборе способа, приема их передачи в языке перевода.

Аллюзивные имена собственные

Особое место в поэтической ономастике занимают книжные имена, которые в литературном произведении как бы перекликаются с другими именами собственными, например с фольклорными, литературными или с именами — компонентами пословиц, поговорок, речений, фразеологизмов. Чаще всего подобные антропонимы и топонимы ассоциируются с собственными именами (иногда и с нарицательными словами), входящими в разнотипные устойчивые словосочетания. Таким образом, их экспрессивность зависит прежде всего от лексико-фразеологической системы языка оригинала. Имя совершенно обычное оказывается художественным характеристическим средством, обретает некий художественный смысл. Подразумеваемая определенный фразеологизм, с которым связывается данный образ-персонаж. Это — один из важных приемов поэтической антропонимии, т. е. художественного использования собственных имен.

Так, по мнению Э. Б. Магазаника, имя *Макара Девушкина* содержит намек на пословицу о бедном Макаре, на которого все шишки валятся. Недаром сам Макар говорит: «Из моего имени пословицу сделали». Своеобразный эмоциональный фон создается и вокруг имени другого героя Ф. Достоевского, князя *Мышкина*, благодаря связи с речением «беден, как церковная мышь» и т. п. Такие имена находятся на грани обычных книжных имен собственных и смысловых имен. В них нет того образно-характеристического содержания, которое в значимых именах передается через нарицательные слова или их основы, образующие значимое имя.

Характеристичность подобных имен проявляется опосредованно, через различные ассоциативные связи, и не основывается на явной метафоричности смысловых имен. Такие лексические единицы целесообразно вычленил среди книжных антропонимов и топонимов в особую группу аллюзивных имен собственных.

Аллюзивные имена в теории перевода не изучались, так как эта проблема почти не разработана в одноязычном плане. Для аллюзивного имени необходим национальный язык или экстралингвистический фон. Без этого фона имя не способно вызвать какие-либо ассоциации. Если скоро имя Макара Девушкина связывается с упомянутой пословицей, то в языке перевода тоже должна быть такая же пословица про Макара. А раз ее нет, то нет и ассоциации с ней. Различия в языковом, литературном, этнографическом и социально-историческом фонах влекут за собой потерю аллюзий, намеков, ассоциаций, которые порождаются аллюзивными именами при чтении оригинального художественного произведения в той национальной среде, где оно было создано. Поэтому суть переводческой проблемы сводится к восстановлению, там, где это возможно, того фона, того остающегося за текстом факта, ассоциативная связь с которыми придает дополнительную художественную окраску аллюзивному имени. Примеров подобной реконструкции утрачиваемого при переводе фона почти нет. Обычно переводчики предпочитают объяснить в сносках филолого-этнографические и прочие аллюзии, порождаемые именами собственными.

Заключение

В целом, если переводчик работает с двумя языками, имеющими разную графику, то он транскрибирует имена собственные согласно существующим правилам, если это языки с одинаковой графикой, то имя без изменений переносится из оригинала в перевод.

Итак, смысловые имена собственные переводятся. Однако если считать это правилом, из него есть важные и существенные исключения. Чем выше степень художественной выразительности и типизации персонажа, чем важнее его роль в литературе, чем больше степень нарицательности имени, тем проблематичнее перевод и целесообразнее транскрипция данного имени. Перевод смысловых имен остается творческой задачей не только при воссоздании внутренней формы имени в новой языковой оболочке, но и при выборе способа, приема их передачи в языке перевода.

Итак, все перечисленные характеристики имен собственных и рассмотренные проблемы при переводе не затронули сугубо творческих проблем перевода. Они лишь показали, что независимо от того, насколько велик накопленный багаж знаний переводчика и насколько четко выработаны необходимые профессиональные навыки переводчика, ему все равно не запомнить всех каверз, которые могут подстроить имена собственные. Переводчики нередко испытывают трудности из-за отсутствия двуязычных словарей имен собственных. Возможно, именно отсутствие необходимой справочной литературы приводит даже опытных переводчиков к ономастическим ошибкам в переводе.

Список источников

1. В. С. Виноградов Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. С.149-179
2. Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967. С. 156.
3. Суперанская А. В. Языковой знак и имя собственное // Проблема языкознания. Доклады сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967. С. 153—154.
4. Аристов Н. Б Основы перевода. М., 1959. С. 37—38.
5. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., 1967. С. 311.
6. Гак В. «Коверкание» или «подделка»? Тетради переводчика. М., 1966. С. 39.
7. Магазаник З. Б. Роль антропонима в построении художественного образа // Ономастика. М., 1969. С. 62.